

The conflict potential of youth representations and expectations: opportunities for institutional reformatting

A. I. Kolba¹, I. V. Miroshnichenko¹

¹Kuban State University, 149 Stavropol str., Krasnodar, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-146-161

Research article
Full text in Russian

The article deals with the problems of managing the conflict potential of the ideas and expectations of young people using the institutional practices of youth policy at the regional level. As a theoretical framework for the study, the concept of conflict regulation with the participation of young people proposed by Yu. A. Zubok based on integrative and differentiating approaches is used. The empirical base of the study was the data obtained from the analysis of materials from fourteen focus group interviews and twelve expert sessions held on the territory of the Krasnodar Territory in June-July 2021. The study made it possible to identify four groups of young people with different behavior patterns in conflicts (differential-negative, differential-positive, integrative-conformal, intergative-innovative). A significant size of the group with an integrative-conformal model of behavior was revealed, which is not typical for the youth environment, as well as the threat of a group with a differential-positive model of behavior moving to practices characteristic of a differential-negative model. The presence of a number of factors, both situational (restrictions associated with the COVID-19 pandemic) and long-term ones (the presence of significant differences in the ideas and expectations of young people with common practices in the implementation of youth policy, a high level of expectations of assistance from the state), has been determined. Based on the conclusions made, recommendations are formulated for the institutional design of youth policy, which would allow reformatting the conflict potential of the ideas and expectations of young people on a constructive basis.

Keywords: conflict; youth; region; conflict management models; youth policy; institutional practices

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolba, Alexey I. | E-mail: alivka2000@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Miroshnichenko, Inna V. | E-mail: mirinna78@mail.ru
| Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Funding: RFBR and ANO EISI, project No. 21-011-31480.

For citation: Kolba A. I., Miroshnichenko I. V. The conflict potential of youth representations and expectations: opportunities for institutional reformatting // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 2. P. 146-161. (in Russ.)

Конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи: возможности институционального переформатирования

А. И. Кольба¹, И. В. Мирошниченко¹

¹Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., 149, Краснодар, Российская федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-146-161
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемы управления конфликтным потенциалом представлений и ожиданий молодежи с использованием институциональных практик молодежной политики на уровне региона. Как теоретическая рамка исследования используется предложенная Ю. А. Зубок концепция регулирования конфликтов с участием молодежи на основе интегративного и дифференцирующего подходов. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные при анализе материалов четырнадцати фокус-групповых интервью и двенадцати экспертных сессий, проведенных на территории Краснодарского края в июне-июле 2021 г. Исследование позволило выделить четыре группы молодежи с различными моделями поведения в конфликтах (дифференционно-негативная, дифференционно-позитивная, интегративно-конформная, интегративно-инновационная). Выявлен значительный размер группы с интегративно-конформной моделью поведения, что нехарактерно для молодежной среды, а также угроза перехода группы с дифференционно-позитивной моделью поведения к практикам, свойственным дифференционно-негативной модели. Определено наличие ряда факторов, как ситуативных (ограничения, связанные с пандемией COVID-19), так и долговременного характера (наличие существенных расхождений представлений и ожиданий молодежи с распространенными практиками реализации молодежной политики, высокий уровень ожиданий помощи от государства). На основе сделанных выводов сформулированы рекомендации по институциональному проектированию молодежной политики, что позволило бы переформатировать конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи на конструктивной основе.

Ключевые слова: конфликт; молодежь; регион; модели управления конфликтом; молодежная политика; институциональные практики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольба, Алексей Иванович | E-mail: alivka2000@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Мирошниченко, Инна Валерьевна | E-mail: mirinna78@mail.ru
| Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Финансирование: РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 21-011-31480 «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи VS практики и технологии».

Для цитирования: Кольба А. И., Мирошниченко И. В. Конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи: возможности институционального переформатирования // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 146-161.

© Кольба А. И., Мирошниченко И. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Тематика конфликтов в молодёжной среде, наряду с исследованием других социально-политических процессов, происходящих в ней, в настоящее время привлекает внимание значительного числа исследователей. Связано это как с повышенным вниманием к различным аспектам участия молодых людей в политической жизни, так и с некоторой «загадочностью» молодёжи как субъекта и объекта политико-управленческих отношений. Прилагая значительные усилия для того, чтобы обеспечить раскрытие её конструктивного потенциала и включение в пространство публичной политики, современные государства часто сталкиваются с различными формами молодёжных протестов, связанных с отрицанием и содержательной составляющей политической жизни, и её форматов. Для объяснения подобного положения дел недостаточно распространённых отсылок к бунтарскому духу молодёжи. Значимой проблемой становится выявление параметров представлений молодёжи о собственном положении, активности и возможностях в общественной жизни и соотнесение полученных данных с институциональными практиками и смысловыми составляющими молодёжной политики.

Указанная проблема актуальна и для современной России, как на федеральном, так и на региональном уровне. В рамках представленного в данной статье исследования нами ставилась цель определить наличие конфликтного потенциала в представлениях и ожиданиях молодых людей на уровне региона и возможности снижения уровня рисков развития деструктивной конфликтности с помощью институциональных практик молодёжной политики. Социальным объектом исследования в данном случае выступила молодёжь Краснодарского края, предметом исследования – конструктивные и деструктивные практики, существующие в молодёжной среде, а также факторы, способствующие сохранению и развитию последних.

Проблемы молодёжной конфликтности в фокусе научных исследований

Одной из базовых идей, заложивших основы исследования конфликтов с участием молодёжи, является представление о конфликтных отношениях как форме социализации, обоснованное Г. Зиммелем [1]. На его основе развиваются концептуальные основы анализа конструктивных и деструктивных процессов молодёжной конфликтности как борьбы молодёжи за свое положение обществе, выражающейся в некоторых случаях в противостоянии не только отдельным индивидам или социальным группам, но и самим институтам социализации [2]. В рамках данного подхода находят объяснение специфические характеристики конфликтов в молодёжной среде [3].

В отечественной науке также сложилась социологическая традиция исследований конфликтов в молодёжной среде в русле «теории «общества риска» У. Бека. В её русле исследуются формы проявления молодёжной конфликтности и возможности управления ею [4; 5]. Многочисленные политологические исследования ориентированы на изучение протестных и радикальных форм молодёжной конфликтности: теоретических компонентов её исследования [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. По данной тематике защищено несколько диссертационных исследований [13; 14; 15].

Отдельные публикации посвящены различным аспектам молодёжной политической конфликтности на региональном уровне [16; 17]. Таким образом, существует достаточно большой интерес к данной проблематике, отраженный в публикациях

социологической и политологической направленности. Однако при этом недостаточно исследованы такие составляющие молодёжной конфликтности, как противоречия между субъективными представлениями и ожиданиями молодых людей относительно своих потребностей и роли в обществе и распространёнными практиками реализации молодёжной политики государственными, муниципальными и общественными институтами.

Концептуальные основы исследования

Методологическим основанием для исследования проблем молодёжной конфликтности являются принципы и положения функциональной теории конфликта Л. Козера [18] и динамической теории конфликта Р. Дарендорфа [19], в частности, возможность трансформации конфликтов путём минимизации их негативно-функциональных проявлений и максимизации позитивно-функциональных, а также необходимость политического управления конфликтами для сохранения их роли механизма общественного развития. Также востребованы положения теории «общества риска» У. Бека [20], согласно которой один из основных конфликтов современного общества основывается на противоречии традиций и инноваций, активным участником которого выступает молодёжь.

В основе исследования лежит предложенная Ю. А. Зубок концепция анализа проявлений молодёжной конфликтности. Согласно ей, поиск путей выхода из конфликтного состояния возможен в рамках двух базовых моделей управления конфликтами в молодёжной среде. В результате первой происходит интеграция, достигается консенсус. Интеграция в такой модели реализуется в двух формах:

- посредством конформизма молодежи, нахождения общих оснований консолидации, что представляет собой позитивный способ разрешения конфликта, не оставляющий, однако, возможностей социального новаторства;

- через инновационную деятельность молодежи, предполагающую согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицание социально одобряемых способов их достижения и активизацию интеграционных процессов.

Вторая модель – преодоление конфликта в форме дифференциации, при которой также возможна социальная инновация молодежи, ведущая к стабилизации общества. В противном случае, когда превалируют разрушительные тенденции, дифференциация сопровождается процессом исключения молодежи и дезинтеграцией социума. По форме эта модель также вариативна и проявляется:

- в форме эскапизма, ухода от действительности, осуществляемого, в частности, как добровольная маргинализация, индивидуальный или групповой разрыв с обществом. Зачастую такое добровольное исключение проявляется во всевозможных контркультурных явлениях, как вызов конформизму;

- в форме делинквентной или криминальной девиации, проявляющейся как открытый протест.

Во второй модели объединяются процессы, противоположные интеграционным, сопровождающиеся отторжением части молодежи, ее исключением из так называемого официального общества. В зависимости от направленности этого процесса молодёжь либо интегрируется в общество, т. е. распределяется в системе социальных связей, утверждается в структурах и самоидентифицируется с ними, либо оказывается оторгнутой, исключённой социальной группой. Ответственность за успех интеграционных процессов возлагается на общество, которое в лице неа-

декватно действующих социальных институтов, конфликтующих с интересами молодежи, препятствуют ее самореализации, способствуя тем самым ее социальному исключению [21].

Таким образом, существует четыре возможных направления реализации конфликтных взаимодействий в молодежной среде. Данная концепция используется нами для анализа соотношения деструктивных и конструктивных практик конфликтности молодежи Краснодарского края, а также выявления факторов, способствующих сохранению и наращиванию её потенциала.

Методика исследования

Методика эмпирического исследования опиралась на политико-психологические и социологические основания и включала в себя комплекс качественных и количественных методов, проективных методик, приемов сбора, обработки, анализа и интерпретации данных. На первом этапе (июнь-июль 2021 г.) было проведено 14 фокус-групповых интервью с представителями молодежи по системе бинарных сравнений: «включенные» (субъекты, акторы) и «невключенные» (объекты) в систему молодежной политики Краснодарского края в типичных для региона муниципальных образованиях. Фокус-групповые интервью проводились в типичных (с точки зрения их социально-экономических и социокультурных характеристик) муниципальных образованиях края, представляющих (согласно «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края») семь экономических зон: северную экономическую зону (Каневской район), центральную экономическую зону (Тимашевский район), восточную экономическую зону (Тихорецкий район), черноморскую экономическую зону (Туапсинский район), краснодарскую агломерацию (г. Краснодар), предгорную экономическую зону (Белореченский район), сочинскую агломерацию (г. Сочи). Также было организовано 12 экспертных сессий с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики Краснодарского края. В состав экспертов вошли представители региональных структур и муниципальных органов по делам молодежи, а также руководители подведомственных региональных и муниципальных учреждений, руководители, курирующие воспитательную работу и молодежную политику в образовательных организациях края.

Деструктивные и конструктивные практики конфликтности в молодежной среде региона

Результаты эмпирического исследования позволили выявить деструктивные практики в молодежной среде, которые можно разделить на две группы: собственно деструктивные (оказывающие прямое влияние на поведение молодежи в потенциально конфликтных ситуациях) и косвенно деструктивные (ограничивающие развитие конструктивного потенциала молодежи и молодежной политики).

К первой группе относятся буллинг в учебных заведениях (наиболее часто упоминаемая респондентами проблема), активная агрессия (участие в радикальных молодежных группировках, борьба с мигрантами и т. д.), практики в конфликтах поколений (уклонение от активного общения, занятость молодежи в социальных сетях и т. д.), маргинализация молодежи (отсутствие определенных жизненных целей и социально одобряемых стратегий их достижения), различные формы девиантного поведения. Практики такого типа формируют дифференционно-негативную модель

поведения в конфликтах. Их распространенность ограничена, но они устойчиво проявляются у части молодежи.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Иногда вместо группы своих интересов он [молодой человек] вклинивается в легкодоступную группу маргиналов, например, и так далее.

– Молодежь вообще особо энергичная, но не всегда она знает, как решить какие-то настоящие проблемы <...> Поэтому молодежь вступает в какие-то радикальные политические движения, маргинальные группировки.

– Буллинг – серьезная проблема. Проявляется в обзывательствах, ругательствах.

– Некоторые, кто не участвует, – это люди, закрытые в себе, они стесняются проявить себя. Тут присутствует проблема буллинга.

– ... Нет рычагов или каких-то центров для обсуждения экономики, политики и текущих дел в стране. Когда молодежь не видит таких центров, молодежь идет к крайне маргинальным группам.

– Большинство молодежи делает негативные вещи.

– К сожалению, наш город догоняет знаменитый Санкт-Петербург по поставкам и объемам наркотиков.

Ко второй группе относится значительное количество упомянутых респондентами практик: пассивная агрессия (отказ от участия в каких-либо действиях), эскапизм (отгораживание себя от социальных проблем общества), неучастие в предлагаемых проектах и мероприятиях (низкий уровень мотивации, наличие материальных проблем), отказы при попытках трудоустройства или нежелание делать низкооплачиваемую работу, самоцензура в социальных сетях (боязнь нарушить законодательство), низкая активность в сфере образования и самообразования. Практики такого типа формируют интегративно-конформную модель поведения в конфликте, которая в принципе не совсем обычна для молодежной среды. На её развитие указывает наличие проблем социальной активности значительной части молодежи, ориентация на собственные интересы, прежде всего экономического характера.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Большая часть молодежи не активна. Наверно, из-за того, что всё заполнили эти телефоны.

– Вот по поводу волонтеров, многие дети не хотят. «А что нам за это будет?». Типа такого.

– Молодежь не умеет заниматься самообразованием.

– Ребята стали бояться, что вдруг они сейчас зарепостят что-то, а их посадят.

– Еще есть интерес такой у молодежи – это разъехаться. Куда-нибудь за границу. Редко я встречаю людей, который говорят, что они повидают мир и вернутся обратно.

– В основном потребности молодежи связаны с отдыхом, спортом, путешествиям и немножко поработать.

– 50 % – часть молодежи, которой неинтересно.

Преобладание конструктивных практик характерно для интегративно-инновационной модели, которую отличает согласие с базовыми ценностями и целями при поиске новых средств их достижения. К числу конструктивных можно отнести такие практики, как активное освоение новых возможностей, вхождение в существующие

социальные структуры, участие в общественно значимых проектах и программах, практики творчества и саморазвития. В исследовании такая модель фиксируется у большей части активной молодёжи с высоким уровнем вовлечения в мероприятия молодёжной политики. Она предполагает развитие молодёжной субъектности и её проявления в сфере гражданской, социальной, отчасти политической активности. Формы проявления активности, как правило, конвенциональные.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Потребность в самореализации и потребность в самоактуализации как признание собственных достижений другими.

– Молодёжь ищет решение проблем... Молодёжь сама не начнёт решать, ничего не будет делаться.

– Например, недавно я начала изучать другой язык, итальянский.

– Отношение к волонтерству? Добро людям делаешь. Приятно тебе.

– Достаточно просто предоставить им [молодёжи] инструмент, что можно делать это сообща, они тут же объединяются в коалиции и так далее.

– Я вот люблю очень заниматься рисованием, но в нашем микрорайоне нет ни одного кружка.

– Например, я живу возле леса, и сам для себя выходил в лес устраивал такие походы [в период пандемийных ограничений]. Также одиночные субботники проводил.

Полученные данные указывают на наличие у части молодёжи четвёртой модели поведения в конфликте – дифференционно-позитивной. Её характеризует инновация как борьба за изменение общественных структур. При этом может усиливаться социальное расслоение, расширяющее зону риска. Доля молодежи, ориентированной на такой тип поведения, в Краснодарском крае невелика (возможно, часть этой группы осталась на периферии исследования), но к ней относятся молодые люди с активной жизненной позицией, по той или иной причине (членство в оппозиционных политических партиях, несовпадение идеологических ориентаций, отсутствие подходящего формата) не востребованные существующими структурами по работе с молодёжью. Подобные практики имеют как негативный, так и позитивный потенциал, однако вследствие наличия ограничений для конвенционального участия в решении общественных проблем существует риск смещения этой части молодёжи к дифференционно-негативной модели.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Негативное отношение (к органам молодёжной политики). Эти органы не понимают, что нужно молодёжи и ведут её не в том направлении.

– Хочу быть наблюдателем, участвовать в работе избирательной комиссии. Ради честного голосования.

– Мы проводим субботники, творческие кружки, привлекаем участие в выборах. Но это также и ангажированные мероприятия, по теме идеологии партии.

– Не так давно граффитисты собирались, портили памятники и здания, а потом мэрия им разрешила и просила раскрасить какие-нибудь большие здания. Это классно.

– К сожалению, нам было отказано (в участии в молодёжных мероприятиях), потому что мы являемся частью, хоть и неофициально, политической партии, которая является оппозицией.

- И ещё ребятам нравится очень вкидывать новые идеи, но никто не знает, как это делать, к кому обращаться.

Данные о практиках и моделях поведения молодёжи Краснодарского края в ситуациях конфликтов обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Практики и модели поведения молодёжи Краснодарского края

Практики	Модели поведения	Возможные результаты
<p>Собственно деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - буллинг в учебных заведениях - активная агрессия - ограничение межпоколенческих взаимодействий - девиантное поведение 	<p>Дифференционно-негативная</p> <ul style="list-style-type: none"> - отказ от интеграции в социальную структуру, исключение из социально одобряемых практик 	<ul style="list-style-type: none"> - маргинализация молодёжи - усиление дезинтеграционных процессов
<p>Косвенно деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - пассивная агрессия - эскапизм - неучастие в предлагаемых проектах и мероприятиях - нежелание работать без значительного материального стимула - самоцензура в социальных сетях - низкая активность в сфере образования и самообразования 	<p>Интегративно-конформная</p> <ul style="list-style-type: none"> - минимизация рисков, отказ от социальных инноваций 	<ul style="list-style-type: none"> - ограничение субъектности молодёжи - снижение социальной активности
<p>Конструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - активное освоение новых возможностей - вхождение в существующие социальные структуры - участие в общественно или лично значимых проектах и программах - создание коллабораций - практики творчества и саморазвития 	<p>Интегративно-инновационная модель</p> <ul style="list-style-type: none"> - согласие с базовыми ценностями и целями при поиске новых средств их достижения 	<ul style="list-style-type: none"> - рост вероятности локальных рисков - практически исключается эскалация конфликтов - преобладает ориентация на их конструктивное урегулирование
<p>Потенциально конструктивные/деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - участие в деятельности оппозиционных партий, движений - проявления гражданской активности, не контролируемой органами власти - проявления не одобряемой обществом творческой активности 	<p>Дифференционно-позитивная</p> <ul style="list-style-type: none"> - инновация как борьба за изменение общественных структур 	<ul style="list-style-type: none"> - усиливается социальная и политическая дифференциация в молодёжной среде - возможно обновление социальных отношений и структур

Факторы развития деструктивного потенциала конфликтности в молодёжной среде

Эмпирические данные исследования также позволяют выделить факторы, препятствующие расширению использования конструктивных практик и минимизации деструктивных.

Значимым фактором повышения социальной напряжённости стали пандемийные ограничения и «ограничения вообще». Они приводят к сокращению количества мероприятий, проводимых в сфере молодёжной политики, переносу части форматов в онлайн, снижению собственной активности молодёжи. Для участников фокус-групп эта тема была одной из центральных.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Из-за пандемии сейчас много чего запрещено, поэтому массовые мероприятия не проводятся.

– Если говорить о негативном влиянии, мероприятий не было совсем из-за пандемии.

– Хочется провести какое-то интересное мероприятие. Но опять же эти запреты, ничего нельзя, массово что-то нельзя, это нельзя, то нельзя.

– Вот мы пытаемся вытащить их из телефонов, а нас загоняют обратно. Вот онлайн проводите, опять в телефоны.

– [Мы хотели] провести на свежем на воздухе показа какого-то фильма, который сейчас в кинотеатрах идет. Нам сказали, что опять же нельзя. Нам сказали, что это ковид, на свежем воздухе нельзя.

– Ковид – нельзя. Но вы там давайте держитесь, придумывайте мероприятия. Делайте, что хотите.

– [Проблема с пандемией] просто огромная.

– Вообще все проблемы в ограничениях. И не только из-за пандемии, а вообще в ограничениях.

– Моим друзьям, знакомым не хватает какого-то именно движа, актива, по сравнению с прошлым годом. ... То, что мы хотим возобновить обратно, но карантин не позволяет.

Конструктивный потенциал молодёжной политики ограничивается высоким уровнем ожиданий относительно помощи со стороны государства, органов власти. Значительная часть молодёжи находится в позиции объекта, а не субъекта молодёжной политики. В то же время по ряду проблем (трудоустройство, профессиональное самоопределение, приобретение жилья) помощь государства ощущается в меньшей степени, чем это необходимо. Для слоя молодых людей старше 25 лет молодёжная политика мало что предлагает.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Нет государственных программ по молодёжной политике, какие есть для школ, образования и так далее. Отсутствует выстроенная система поддержки органов молодёжной политики.

– Люди привыкли быть в своей комфортной зоне и не хотят из неё выходить. Есть те, кто мечтает и действует, есть те, кто просто фантазёры.

– В Краснодарском крае мало программ поддержки молодых предпринимателей.

– Проблема трудоустройства и профориентации.

- *Работающая молодёжь вообще не затронута никак.*
- *А как идти работать, если просят опыт работы?*
- *Вот какую-нибудь бы музыкальную студию на базе чего-нибудь.*
- *Малое количество различных точек доступа, куда молодёжь может обратиться для удовлетворения своих потребностей.*
- *Количество финансовых вливаний в маленькие города значительно меньше, чем в крупные.*

Важным фактором является ориентация молодёжи в первую очередь на материальные составляющие жизненного успеха, гражданская пассивность. Анкетный опрос показал, что среди молодёжи велика доля ориентированных на решение собственных проблем, а не проблем окружающих, что указывает на низкий уровень гражданской активности. Данные фокус-групп показывают, что среди приоритетов молодёжи выделяются прежде всего экономические (желание хорошо зарабатывать, приобретать модные вещи, гаджеты). Около половины опрошенных видят свою самореализацию в экономической сфере. Даже волонтерство, которое является наиболее успешной конструктивной практикой гражданского и социального участия, ориентировано в большей степени на событийную, а не на социальную составляющую и иногда рассматривается как форма принуждения.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Я не могу сказать, что это совсем добровольно, как это должно быть [участие в волонтерских акциях]. Добровольно принудительно.*
- *Большинство людей не хотят в этом [в различных акциях] участвовать. Не оплачиваемая работа.*
- *Желание работать... Зарабатывать деньги для себя. На материальные потребности.*
- *Просто не интересно им [волонтерская деятельность]. Нет награды за работу.*
- *Даже вот говоришь им: на соревнования поедешь? Нет, я завтра на поля поеду, там деньги платят, а у вас бесплатно.*
- *Вот по поводу волонтеров, многие дети не хотят. «А что нам за это будет?». Типа такого.*

- Не все лидеры хотят вступать в молодёжную политику, как минимум из-за денег, никто практически не хочет работать за бесплатно.

- Если взять то добровольчество, которое у нас есть в крае, - это просто-напросто административно используемые ресурсы людей. ... Настоящих волонтеров не хватает.

- Школьники почему участвуют? Потому что волонтерская книжка дает баллы при поступлении в университет, потом, когда им старше 18, у них падает мотивация.

- В этом проблема, когда человеку 20, у него уже другие ценности, он уже не захочет ехать никуда, а пойдёт работать. Мотивация конкретно зависит от человека.

- Событийное волонтерство их больше привлекает - мероприятия, звезды, новые знакомства, а социальное волонтерство - это им не нравится.

Фактор цифровизации имеет как конструктивные, так и деструктивные составляющие. Первые связаны с возможностью быстрого обмена информацией, прямого контакта со структурами молодёжной политики. Вторые - с формированием пассивности, уходом в виртуальную среду, где действие приобретает скорее символический характер.

ческий характер (данный эффект скорее можно отнести к тенденции сетевизации отношений в молодёжной среде).

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Есть положительные и отрицательные стороны [цифровизации].*
- *Молодежь, грубо говоря, тупее от них [от гаджетов].*
- *Современные лидеры мнений скорее просто развлекают молодёжь. Они не несут что-то новое.*
- *У нас нет тренера по этому виду спорта [турники]. Приходится смотреть в интернете. Информация о выполнении какого-то элемента.*
- *Детей уже даже тяжело пригласить куда-то выйти, потому что они привыкли [сидеть дома, быть в телефонах].*
- *Кстати, с памятью у них вообще беда. А потому что у них все в телефоне. Они же не запоминают вообще ничего.*
- *Самообразование – это скачивать определённые видеоуроки. То есть человек пытается обучаться без тренера, консультанта и так далее.*
- *[О цифровизации]. Та же самая Росмолодёжь и президентские гранты дают возможность молодёжи получить финансовую поддержку на реализацию проекта. Более оперативно доносится информация до госучреждений о проблемах, которые существуют. И реально можно получить ответ более-менее оперативно.*
- *Это классно, когда у мэра или губернатора есть свой телеграмм или Instagram-аккаунт. Можно следить за их деятельностью. В этом плане цифровизация – это классно.*
- *Цифровизация – это хорошо. Создаются электронные контакты между государством и людьми.*
- *Если часть конкурсов и мероприятий проводить через социальные сети, то это очень эффективно.*
- *Нужно оторвать от гаджетов, потому что это один информационный поток, и он достаточно халявный.*
- *Молодежь все больше уходит в интернет, что осложняет деятельность молодёжной политики.*

Существует определённое расхождение между распространёнными практиками в сфере молодёжной политики и потребностями молодёжи. Существующие практики ориентированы скорее на нижний возрастной слой молодёжи (школьники, студенты). Их содержательная составляющая нацелена на то, чтобы занять свободное время молодых людей, вовлечь в мероприятия. Это формирует уже указанные выше эффекты (пассивность, высокие запросы к государству). Сокращение числа мероприятий под воздействием внешних факторов создает вакуум в сфере молодёжной политики. Отмечается, что проводимые мероприятия во многих случаях не совпадают с интересами молодёжи и не пользуются популярностью.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Молодёжи интересно абсолютно всё, чего раньше не было. Привычные мероприятия становятся не интересны.*
- *И ещё ребятам нравится очень вкидывать новые идеи, но никто не знает, как это делать, к кому обращаться.*

– Нужно это [проводимые мероприятия] освежить под острым углом. Чтобы это все было на одной волне с молодёжью. Потому что формат устарел.

– В целом на уровне региона очень мало мероприятий, отвечающих потребностям молодёжи.

– Вот говорят, что сейчас потратят время, что лучше сходят погулять. Приведу пример, мы отправляли ребят на флешмоб, они пошли, потому что обещали им оценки за физкультуру, и они пошли без проблем.

– Они [направления МП] соответствуют, но не имеют логического завершения. Проекты недореализуются. Старт хороший, а к финишу сливают.

– А КПД получается низкий.

– Ну, молодежи не всегда интересно участвовать в мероприятиях. Потому что нет мотивации, мероприятия неинтересные.

– Не везде молодежи интересно, и она так далеко пошла, что все, что мы делаем, им не всегда интересно.

Значимым фактором также является ограниченный охват молодёжи практиками МП. В мероприятиях и программах участвует относительно небольшой круг людей (активисты). Возникает разрыв в доступе к ресурсам МП и возможностях для разных групп молодёжи.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Не все в курсе о каком-то проекте. ... Участвуют в проектах, выигрывают гранты, одни и те же активисты, одна и та же молодежь.

– Не хватает профориентации, потому что дети не понимают, куда идти.

– Рекламная кампания у молодёжной политики недостаточно сильная. То есть я от многих слышу, мол, там такое классное мероприятие было, а я о нём не знал.

– Не хватает мест для отдыха даже. Даже эти лагеря. Они есть. Сколько там? 3-4 смены? И определенное количество детей. Туда дети не попадут, а у нас столько школ.

– Вот я отучился в Красной поляне в школе. Нас обходили стороной специалисты по работе с молодёжью.

– Мало кто из молодёжи может прийти, обратиться [в структуры молодёжной политики]. Возможно, они не знают в принципе, что так можно делать.

– Хорошо работают с молодёжью, которой это нужно. Не могут заинтересовать молодежь другую.

– К нам ни разу не приходил представитель молодёжной политики, который бы сказал, мол, ребята вот у нас есть ресурсы, сайт, программы – приходите.

– Я знаю, что в городе занятия по воркауту, бесплатные выставки, музей. Но не все могут додуматься пойти. Не каждому будет доступно.

Опрошенные также указывают на сложности коммуникации со структурами молодёжной политики, что ограничивает участие в тех или иных практиках. Выделяются проблемы структурного обеспечения молодёжной политики. Также не отлажено взаимодействие в треугольнике «молодёжь – структуры молодёжной политики – учебные заведения».

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Не хватает грамотных специалистов [в сфере молодёжной политики].

– Многие учебные заведения нашего города не идут на контакт с молодёжкой ни в какую.

– Существует проблема в школах, что сама администрация школы не хочет ничего делать. ... Я хотела в нашей школе создать патриотическую группу. Но я получила отказ. ... За время, пока я стояла в ученическом совете, мы ничего не сделали в школе. Мы хотели делать стенгазету, но нам отказали тоже.

– Психологическая работа у нас в школе плохо развита.

– А молодёжные центры помогают. Ты что-то делаешь на добровольной основе – у тебя появляется желание это делать, как будто ты сам решаешь. В школах такого нет.

– Школы достаточно перегружены различными мероприятиями, которые отвлекают от учёбы. Всё-таки в школе хочется учиться. ... А если решать актуальные проблемы – этим должны заниматься молодёжные центры.

– В школах развита принудительная история с мероприятиями.

– Не хватает просвещения молодёжи о молодёжной политике.

– Допустим, у нас развит воркаут, но не развит волейбол. ... то есть какие-то потребности есть, которые они под грант выбили, либо развивать надо в Краснодарском крае. А другие какие-то, которые нужны молодёжи, – они не знают...

– Совсем отчётность нельзя убрать. Пусть будет какой-то контроль, но снизить можно. Чтобы чуть-чуть разгрузить специалистов [в сфере молодёжной политики].

– Нужно уменьшить количество тех показателей, которые подаются муниципалитетам. Чтобы заняться работой непосредственно с молодёжью.

– Сейчас не хватает грамотных руководителей. Очень много таких людей, которые на бумажке являются руководителями, но на деле ничего не могут решить.

Данные о факторах и эффектах молодёжной политики Краснодарского края обобщены в табл. 2.

Выводы и рекомендации

Таким образом, наблюдается существенное расхождение между представлениями и ожиданиями значительной молодёжи и институциональными практиками молодёжной политики на уровне региона. Последние частично ориентированы на относительно небольшие группы активных молодых людей, в связи с чем их проникновение в решение молодёжных проблем ограничено. Значительная часть институциональных практик основана на рассмотрении молодёжи в качестве объекта, а не субъекта молодёжной политики, что способствует распространению социальной пассивности, завышению уровня ожиданий государственной поддержки и росту недовольства в случае её неполучения. Комплекс факторов, как долговременных, так и ситуативных, также способствует росту социальной напряжённости в молодёжной среде.

Расхождения между представлениями и ожиданиями молодёжи и практиками молодёжной политики создают угрозу роста конфликтного потенциала молодёжной среды и его деструктивной реализации. На наш взгляд, переформатирование конфликтного потенциала возможно на основе институциональных изменений, в частности, проектирования нового дизайна институтов, механизмов и практик молодёжной политики.

Факторы в сфере молодёжной политики, влияющие на соотношение деструктивных/конструктивных практик

Факторы	Эффекты в сфере молодёжной политики
Пандемийные ограничения	– сокращение интенсивности взаимодействия со структурами молодёжной политики – перенос части мероприятий и активностей в онлайн – снижение собственной активности молодёжи
Высокий уровень ожиданий помощи от государства	– объектная позиция молодёжи – ориентация молодёжной политики на молодёжь 14–25 лет
Преобладание материальной составляющей мотивации, гражданская пассивность	– ориентация на решение преимущественно собственных проблем – самореализация в экономической сфере – интерес к событийному волонтерству
Влияние цифровизации	– расширение контактов со структурами молодёжной политики – быстрый обмен информацией – погружение в интернет-среду – ориентация на символические действия
Расхождение между практиками МП и потребностями молодёжи	– ориентация МП на нижний возрастной слой молодёжи – пассивность молодёжи – вакуум в сфере молодёжной политики при сокращении числа мероприятий
Ограниченный охват молодёжи практиками МП	– ориентация МП на активистов – разрыв в распределении ресурсов
Структурные и коммуникативные составляющие МП	– перегруженность специалистов МП – плохие коммуникации со значительной частью молодёжи – ограниченные контакты с учебными заведениями

Проектирование институциональных механизмов региональной молодёжной политики должно выстраиваться на основе пересечения нескольких координат:

а) доминирующие потребности молодежи (потребность в личностном и профессиональном развитии, потребность в самореализации и общественном признании, потребность в высоком уровне дохода и комфортном образе жизни/ высоком уровне качества жизни);

б) отсутствие сформированных устойчивых ценностных ориентаций у кубанской молодежи, что определяет фрагментированность и противоречивость их жизненных ценностей и политико-культурных установок;

в) существование в представлениях и практиках молодежи одновременно двух моделей молодёжной политики: субъектно-деятельностной и государственно-патронажной с разными целевыми группами и набором институциональных мер.

Институциональное проектирование молодёжной политики в Краснодарском крае должно осуществляться с нескольких направлений.

I. Конструирование смыслов в публичном пространстве молодежной политики:

- формулирование ядра разделяемых большинством представителей молодежи жизненных и гражданских ценностей в публичном пространстве молодежной политики и их позиционирование в символических и деятельностных форматах молодежной политики;
- формирование единого интегрированного с офлайн- и онлайн-средой символического пространства молодежной политики;
- создание и позиционирование образов успешного молодого человека, продвижение в системе интегрированных коммуникаций молодежной политики успешных лидерских, карьерных, семейных, предпринимательских, досуговых и других стратегий/ практик представителей молодежи.

II. Стратегическое позиционирование приоритетов региональной молодежной политики:

- институционализация приоритетов (принятие стратегии молодежной политики Краснодарского края, закрепление специфических приоритетов в Стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований с их публичным обсуждением при участии молодежи);
- формирование единого портала региональной молодежной политики с гиперссылками на официальные ресурсы различных субъектов молодежной политики, сетевые сообщества;
- формирование системы корпоративного образования в сфере региональной молодежной политики для разных целевых групп: управленцев в сфере региональной молодежной политики, команды специалистов по делам с молодежью из муниципальных образований, молодежных активистов-руководителей НКО, представителей образовательных организаций, молодых парламентариев и т. д.

III. Переформатирование существующих мероприятий / проектов в сфере региональной молодежной политики под потребности молодежи:

- от отдельных событийных практик к комплексным масштабным мероприятиям/проектам с участием различных целевых аудиторий молодежи по принципу «молодежь для молодежи» на основе межрегионального/межмуниципального взаимодействия;
- от отдельных мер поддержки к системе создания условий для развития различных категорий молодежи по трекам: профориентация, предпринимательство, талантливая молодежь и молодые ученые, лидерство и общественная деятельность и др., включая меры образовательной (в непрерывном образовании), информационной (путеводители по различным форматам работы, ориентирующие молодежь на самореализацию и их вовлечение в различную деятельность), материальной поддержки;
- от хаотичного событийного контента о региональной молодежной политике к формированию единого символического пространства и таргетированной информационной политики в молодежной сфере;
- от традиционных образовательных программ к образовательным инвестициям в различные категории молодежи для личностного развития с использованием методов диагностики, формирования профессиональных компетенций и надпрофессиональных навыков с применением инновационных технологий (игротехник, кейсов, хакатонов, акселераторов, проектной деятельности и др.).

Ссылки

1. Simmel G. The Sociology of Conflict: I // American Journal of Sociology. 1903. № 9. P. 490–525.
2. Зубок Ю. А. Конфликт // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 179–182.
3. Черкасова Т. В. О социальных конфликтах молодёжи и путях их урегулирования // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 112–123.
4. Черкасова Т. В. Управление социальными конфликтами молодежи: комплексный подход и новое направление в рефлексивной молодежной среде // Экономика и управление. 2003. № 5 (55). С. 86–93.
5. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
6. Авцинова Г. И. Протестный потенциал российской молодёжи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1. С. 111–126.
7. Смылова В. Н. К вопросу о детерминантах современного молодёжного экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 3А. С. 153–170.
8. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YOUTUBE как фактор формирования протестного потенциала молодёжи // Регионология. 2019. Т. 27. № 3 (108). С. 572–587.
9. Франц В. А. «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте идентичности российской молодёжи // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 633–636.
10. Кирюхина Е. Ю. Эволюция молодёжного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14). С. 38–45.
11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18.
12. Логинова Л. В., Щебланова В. В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 98–108.
13. Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе (особенности и перспективы): автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012. 26 с.
14. Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодёжи: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013. 27 с.
15. Сабитов М. Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 25 с.
16. Головин Ю. А. Развитие гражданской активности молодёжи в Ярославской области: конфликты и ценности // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 3. С. 205–214.
17. Марин Е. Б., Осмачко Н. В. Динамика протестных настроений студенческой молодёжи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20–35.
18. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
19. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
20. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
21. Зубок Ю. А. Исключение в исследовании проблем молодёжи // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 47–56.